Порою в колхозах можно слышать гордое: «Посмотрите, какие у нас коровы. Красавицы! Какая масть!» Но при этом забывают, что главное — надои молока и его жирность.

ВЫВЕЛИ ПОРОДУ

— Ну как можно от такой красавицы еще и молока требовать?

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

КРОКОДИЛ

№ 15 (1701) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 30 МАЯ 1963

Странное дело

За пять минут, как известно из бодрой песенки, можно сделать очень много. Например, сыграть полпартии в шахматном блицтурнире, выпить кружку пива и даже решить важный вопрос. Решил ведь шахтком пятого разреза треста «Волчанскуголь» вопрос «об отобрании удостоверения общественного контролера у Т. В. Пермяковой»? Решил! Без волокиты. За пять минут. Выдал на-гора́ «слушали-постановили», а председатель подбил бабки:

— Вот в таком разрезе, товарищ Пермякова. Будьте здоровы, товарищ Пермякова.

Без бюрократизма, без волокиты. Только, правда, до сих пор никто не может понять, за что отобрано удостоверение.

Контролировала Пермякова работу магазинов, одних актов составила столько, что ими можно оклеить весь кабинет начальника орса треста «Волчанскуголь» Анатолия Алексеевича Пермикина. Боялись контролера рыцари утруски-усушки из этого орса. Бывало, увидят ее — в сторону норовят вильнуть. А сейчас не виляют, встречают открытым, победно-приветливым взглядом, даже остроумно шутят:

— Привет бывшей! Что не заходишь? Аль правов нет?

«Правов» действительно нет. Почему же все-таки? Может, сигналы контролера Пермяковой бросали незаслуженную тень на честных тружеников прилавка? Нет, сигналы были вполне справедливы. Они прошнурованы в специальном сборнике под названием «Папка Пермяковой», хранимом в сейфе того же начальника орса А. А. Пермикина.

Вот акты о деятельности завмага Осиповой на поприще обвеса. У Осиповой столько выговоров, что их трудно сосчитать даже с помощью арифмометра. По актам Пермяковой можно нарисовать портрет недавнего председателя месткома орса Бунькова, признанного лидера волчанских забулдыг. Близость к массам Буньков демонстрировал тем, что пил в каждой подведомственной торговой точке. Бесплатно, разумеется. В то же время на вопросы личного благосостояния смотрел трезво. Смело завышал цены на товары. Квартиру при весьма скромной зарплате обставил с музейной роскошью.

Можно продолжить список героев «Папки Пермяковой». И вот что любопытно: начальник орса исправно реагировал на сигналы контролера. Журил расшалившихся хапуг. Прорабатывал. Даже выговоры им время от времени объявлял.

— Так в чем же дело?

— Сам не пойму,— удивляется Пермикин.— Какая-то таинственная история...

Что касается тайн, то одна из них стала явью. Сам Пермикин под покровом темной уральской ночи вывез непосредственно с базы на свою квартиру пианино. Кажется, это называется использованием служебного положения.

Ну, а может, заместитель секретаря партбюро орса тов. Сергеев прольет свет? Тем паче, что он председатель группы содействия партийно-государственному контролю.

— Почему отобрали удостоверение? Странная история, знаете! Удивляюсь, да и только!

Странно, очень странно. И вот еще что странно: сам тов. Сергеев вне всякой очереди, тихо-мирно вывез из универмага холодильник «Мир».

Можно было, конечно, поговорить еще с заместителем начальника орса тов. Василенко. Впрочем, она могла разве что поделиться опытом приобретения мотоцикла по списку передовиков производства.

Какие уж тут тайны! Просто любителям закулисных торговых операций не по нутру пришелся беспокойный, въедливый контролер.

Чтобы окончательно удостовериться в этом выводе, я напоследок зашел в шахтком. Там-то уж наверняка должны знать, за что отобрали удостоверение у Пермяковой. Председатель шахткома Н. С. Тюменцев признается:

— Да, отбирал я. За что? Право слово, не знаю. Удивляюсь, в общем... Странно получилось... Примем меры. Мобилизуемся...

Пока Тюменцев мобилизовывался, я навел справки в Карпинском горкоме партии. Однако вирус удивления проник и сюда, поразив инструктора горкома тов. Коробейникову, ведающую вопросами торговли в Карпинске и Волчанске. Когда-то она была согласна с тем, что надо отобрать у контролера удостоверение, а теперь по примеру предыдущих товарищей изобразила удивление.

Ну что мне оставалось делать?

Я тоже удивился.

Так вот мы все и пребываем в этом удивленном состоянии. Может, нас из него выведет Свердловский промышленный обком партии?

В. ПРОХОРОВ,
специальный корреспондент Крокодила.

Волчанск—Свердловск.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Работал с прохладцей...

...зато отдыхал в поте лица!

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Единица

Комсорг у нас
рожден был хватом,
В цеху считался вожаком,
Умел он массовым охватом
Всегда порадовать райком:
Сто душ прослушало беседу
О том, как в Красный Крест
вступить,
Сто пятьдесят
явилось в среду
На диспут «Пить или не пить?».
И все
клеймили пьянство
гневно,
Но жаль, что не был
в их числе
Монтер, который ежедневно
В цех приходил навеселе.
Сидел в пивной монтер
Синицын
От шумных диспутов вдали:
Там — коллектив,
здесь — единица,
До единицы не дошли.
Жена кричала: «Накачался!»
И вновь хваталась за ухват.
Ну, а в райкоме отмечался
Рекордно-массовый охват.

Александр НИКОЛАЕВ

Тимлюйскому цементно-шиферному заводу установлен план производства... мебели на 60 тысяч рублей в год.

«Цементно-шиферный завод»,—
читаем мы у входа.
Директор гордо нас ведет
по всем цехам завода.

Мы вдруг застыли на момент,
и сразу смолкли речи:
потоком ринулся цемент
из раскаленной печи.

Отсюда он пойдет рекой
на стройки, на плотины...
Мне поэтической такой
не передать картины.

— А это рядом что за цех?
Мы в нем как будто не были.
В ответ директор:
— Смех и грех!
Построен цех для мебели.

По мебели немалый план —
тут начиналась проза —
был год назад заводу дан
приказом совнархоза.

На этот странный план тотчас
мы ринулись в атаку,
но совнархоз не слушал нас:
мол, план есть план, однако.

И ветераны и юнцы,
засели мы за книги,
дошли за опытом гонцы
до мебельщиков Риги.

И наконец в четвертый год
великой семилетки
цементно-шиферный завод
освоил табуретки.

Во Львове удалось достать
нам буковой фанеры,
кровати стали выпускать,
столы и шифоньеры.

А совнархоз был так жесток,
что, не моргнув и оком,
цех перевел он на поток,
и деньги шли потоком.

Далась нам мебель нелегко,—
сказал директор, окая,—
хоть качество невысоко,
зато цена высокая.

Вот небыль!
Просится вопрос:
кто автор этой небыли?
И кто был в этот совнархоз
посажен *лишь для мебели?*

Ведь, если дальше так пойдет,
придется звать, наверно,
цементно-шиферный завод
«Цементно-шифоньерный»!

пос. Каменск,
Бурятской АССР.

Накануне открытия

— С чего нужно начинать строительство города?

— Праздный вопрос. Разумеется, с планировки.

— Представьте себе, нет.

— Тогда с возведения жилых корпусов?

— И опять ошибаетесь. Начинать строительство города нужно с вытрезвителя. Тогда не получится такой вопиющей неприятности, какая стряслась с работниками Котласского целлюлозно-бумажного комбината.

Этот комбинат, крупнейший в Европе, начали сооружать на берегу Вычегды. Выросли многоэтажные дома, кинотеатры и так далее. И строители так загордились, что совсем забыли построить вытрезвитель. А когда вспомнили, то выяснилось, что места для него уже нет.

Руководители города посоветовались-посоветовались и решили оборудовать вытрезвитель в полуподвальном помещении дома, где находится женское общежитие.

Заволновались женщины, заволновалась общественность. Уж очень их тревожило беспокойное соседство. Но руководители Котласского городского отделения милиции сказали так:

— Чего вы волнуетесь? Никакого беспокойства не будет. При вытрезвителе всегда дежурят два милиционера. Так что девушкам при такой охране будет даже спокойнее, чем раньше.

— Но позвольте,—возражала общественность,— там ведь рядом еще три женских общежития и спортивная площадка! А напротив как раз окажутся детский садик и ясли. Какой ужасный пример для подрастающего поколения!

— Ничего, ничего! Есть решение горисполкома, а ему, конечно, с горы виднее. Значит, так тому и быть!

И, представьте себе, несмотря на то, что общественность настроена весьма скептически, оборудование вытрезвителя идет полным ходом. Уже укомплектован штат, и скоро, говорят, специальная комиссия торжественно разрежет алую ленточку у входа.

Хорошо бы все-таки это торжественное открытие отпраздновать в каком-нибудь другом, более подходящем для этого месте.

Р. МОШКОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Котласского ЦБК.
В. ЗАЙЦЕВ,
начальник штаба
«Комсомольский прожектор».

— А вы нас не обманываете, что дом трехэтажный?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

СОГЛАСНО ЗАКОНАМ ГОСТЕПРИИМСТВА

КУРЬЕЗНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Принято считать, что иностранный гость — это нечто вроде полпреда своей страны. Воображению тут же рисуются изысканные улыбки, расточаемые чужеземцем, белые перчатки, смокинг и сплошные «мерси» и «бонжур».

Также принято встречать иностранных гостей хлебосольно, оказывая им всевозможный сервис. В свою очередь, хорошо воспитанный гость горячо благодарит хозяев, ласково машет им рукой в белой перчатке и с криками «адью» *отбывает в свою заграницу*.

Увы, некоторые западные и восточные джентльмены, находясь на территории Советского Союза, порой проявляют определенное хамство. То ли сказываются тут пробелы в их воспитании, то ли *нервная система* у этих господ расшаталась, только происходят с ними всяческие курьезные метаморфозы. Приехал человек в перчатках. Покушал. Ну, может быть, водочки выпил. И пошло! Начал, как говорится, гладью, а кончил гадью.

Ястин Элиассон, матрос норвежского судна «Нумериан», вообще на некоторое время перестал быть человеком. Это прискорбное событие имело место в ресторане Ильичевского порта, что под Одессой.

Когда истерзанный норвежским сухим законом моряк допил бутылку «рашен водка», лицо его противоестественно исказилось. После второй бутылки бывший матрос положил ноги на стол. Затем он подошел к дружиннику Ч. и ударил его в солнечное сплетение.

Вы, конечно, подумали, что матрос, на которого так оглушительно подействовал алкоголь, отбывает сейчас наказание? А на родине в Норвегии безутешно скорбит о хулигане-сыне старая мать?

Нет, что вы!.. Никто не отбывает, и никто не скорбит. Местные власти сделали все, что было в их силах, для ускорения сладкого свидания сына с мамашей. Добрейшие ревнители закона мигом превратились в ангелов-миротворцев. И, *согласно законам гостеприимства*, довольно дружелюбно помахали Ястину на прощание платочком. А тот, даже не сказав «адью», уплыл восвояси.

Вот оно,— гостеприимство, неистовое и *самозабвенное, без всякого разбора*.

Самое любопытное в том, что по линии гостеприимства и хамства наблюдается в некоторых случаях прямая пропорциональность. Чем горячей первое, тем увереннней и веселей второе. И Крокодилу, естественно, захотелось клинически исследовать корни безграничного хлебосольства.

ДЖЕНТЛЬМЕН ИЗ ЮЖНОГО ПОЛУШАРИЯ

В отличие от потомка северных викингов синьора Энрике Заяка пригнали в Одессу южноамериканские муссоны и пассаты. Он приехал из Буэнос-Айреса. Как и полагается, *в белых перчатках*.

Поначалу синьор Энрике тщательно маскировался под джентльмена. Это давалось с колоссальным трудом. Слишком многое раздражало темпераментного господина. Советские спутники, например. Вертятся, проклятые!

И господин из Буэнос-Айреса начал на всех одесских перекрестках вести разнузданную антисоветскую пропаганду. Но народ его не слушал, а спутники вертелись, как и прежде. И, разъярившись, в гостинице «Красная» синьор Заяк, буквально не снимая белых перчаток, грубо оскорбил лифтершу Черненко.

Изнемогая от порывов гостеприимства, обслуживающий персонал *отвел Заяка в сторонку* и начал упрашивать синьора не волноваться, не сердиться и не гневаться.

В тот момент, когда корабль с Энрике выходил в открытое море, из Одесского порта редакции сообщили, что там наблюдается массовое проявление импортного хамства. И Крокодил поспешил в порт.

15 ТУРОК И БОЧОНОК РОМУ

В порту Крокодил с изумлением увидел, как моряк турецкого корабля «Кечеккале» Баческиоглы, сойдя на пирс, принял его за одно из подсобных помещений своего судна и стал, пардон, нарушать известное постановление Одесского горсовета. Не теряя драгоценного времени, его соотечественник рулевой Имдат Суданли, находясь в горячечно-пьяном виде, пытался взять на абордаж женское общежитие. Ему помогал второй помощник Селиль Улуйшик.

В присутствии Крокодила береговые власти приняли беспрецедентное в морской истории решение: запретили спуск на берег пятнадцати особо опасным человекообразным из экипажа «Кечеккале».

Затем власти вместе с Крокодилом поднялись на борт, чтобы выразить официальный протест капитану — господину Тёффику Денизсеверу. Капитан долго сожалеюще качал головой и от возмущения не мог выговорить даже традиционный приветственный «салям». Впрочем, моментально выяснилось, что ни «салям», ни возмущение тут ни при чем. Гордый морской орел был пьян, как самый последний стамбульский сапожник.

И власти удалились в смятении. У выхода из порта они чуть не споткнулись о тело невероятно толстого господина с непропорционально маленькой головой. Очевидно, его свалил с ног какой-то особо мощный турецкий зеленый змий, так как господин не мог двинуть ни рукой, ни головой. Только в вытрезвителе выяснились причины чудовищной диспропорции головы пьяного господинчика с его туловищем.

Под рубашкой Нейята Кючюктюцюнера была упрятана контрабанда. Что и подтверждается нашим снимком.

Вы, наверное, думаете, дорогой читатель, что «джентльмены удачи» с «Кечеккале», взяв метлы, бодро подметают улицы Одессы? Ничуть не бывало: все идет согласно законам гостеприимства. Лихие мореходы в полном составе на борту «Кечеккале», а корабль уже в Турции.

КАБОЯСИ ГРОЗИТ ХАРАКИРИ

Пока Крокодил наблюдал за метаморфозами дебоширов с «Кечеккале», упоительный одесский вечер спустился на город. В такие вечера мужчина сам себе кажется особенно богатым, красивым и здоровым. И Кабояси Суехиро с японского судна «Иокогама мару» выпил саке — малодоброкачественной японской водки, а потом, взойдя на мостик, страстно крикнул: «Банзай!»

Саке сделала свое дело.

Качаясь, как хрупкая вишня на склоне Фудзиямы, Суехиро сошел по трапу на берег. Далее лирика немеет. Передаем слово милицейскому протоколу:

«...*Будучи в нетрезвом состоянии, при выходе с судна Суехиро приставал к стоящему у судна гражданину Савченко В. Т. Последний сделал ему замечание, но Кабояси на замечания не реагировал и дважды нанес гр-ну Савченко удар кулаком в область лица*...»

По всем юридическим нормам упомянутый в протоколе гражданин Савченко мог применить строгие меры к господину Суехиро. Поскольку упомянутый советский гражданин не праздно глазел на японское судно, а исполнял свои служебные обязанности.

Дальше по линии гуманности и гостеприимства все развивалось соответствующим образом. Из Москвы срочно прилетел секретарь посольства господин Имаи. Он требовал, настаивал, а также умолял. В судебном заседании Суехиро Кабояси слегка раскаялся и с помощью двух квалифицированных переводчиков для вида попросил прощения у Савченко. А если тот, мол, его не простит, Кабояси показал жестом, что, возможно, он сделает себе харакири.

И Суехиро Кабояси отпустили с миром. Согласно все тем же законам. Господин Имаи взял его на поводок, посадил в самолет и отправил домой.

ОШИБКА ВЕЛИКИХ САТИРИКОВ

Крокодил пошел в милицию. Тут ему разъяснили, что великие сатирики-одесситы Ильф и Петров кое в чем малость ошиблись. На данном отрезке эпохи статистика точно знает, сколько в Одессе стульев: *5 654 241*. Включая тот, на котором сидел Крокодил.

Не знает же статистика одного: сколько раз иноподданные господа нарушили наши законы за последние пятнадцать лет. Может, тысячу, может, даже две...

Наши следственные органы, суд и прокура*тура забыли дивное правило: встречать по* одежке, а провожать по уму. Вместо того, чтобы отправить заграничного хулигана туда, где ему полагается быть, его подбирают на улице и в казенном экипаже отправляют на борт корабля или в гостиницу. Чтобы он, упаси боже, часом не заблудился. И милиционер, тот самый, что голыми руками обезоружил двух здоровенных бандюг, с материнской нежностью поправляет подушку под головой пьяного иностранца.

С одним валютчиком, неким Хасанбеем Акденизом с корабля «Нессип Ипар», произошел любопытный случай. За его лиры и доллары ему дали сторублевки. Не фальшивые. Ассигнации эти в свое время действительно были в обращении и обеспечивались золотом, драго*ценностями и прочими активами* Российского императорского банка.

И малоопытный бизнесмен прибежал за по-

мощью... в милицию. Это отчетливый симптом. Он тоже свидетельствует, что в плане гостеприимства у нас далеко не все благополучно.

Советские люди с открытой душой встреча*ют тех, кто приехал в СССР учиться, работать* и отдыхать. Советские люди говорят им: «Здравствуйте!», «Хау ду ю ду!», «Салям!». Советские люди гостеприимны. Это у них в крови.

Но кто и когда сказал, что нежное опахало *нашего гостеприимства должно веять и над* теми, кто плюют нам в душу, за добро платит злом да к тому же уверен в полной безнаказанности?

Крокодила сопровождал специальный корреспондент Вл. МИТИН.

г. Одесса.

ВНЕЗАПНЫЙ ВЫЕЗД РЕВИЗОРА

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Иван ЗАКОНОВ

КРОКОДИЛЬСКИЕ ЧАСТУШКИ

Мы, галактикой владея,
Всех расселим по местам:
Болтуна — на Водолея,
Хулигана —
к Гончим Псам!

Возглавлял он коллектив
Без опоры на актив.
На «актив» он опирался,
Если... сильно набирался.

Цифры в рапорте Степана
Небывало высоки.
Им поверить —
Дал три плана,
А проверить — втер очки!..

Заработать трудодень
Еремею-трутню лень.
И продукты он не прочь
Получать на... трудоночь.

ЧЕМ ЧЕРТ НЕ ШУТИТ!

Ольга Михайловна Игнатьева из Душанбе состоит в личной переписке с господом богом. Вздумается, например, всевышнему передать на землю какую-нибудь божественную директиву, как он тут же вызывает архангела Гавриила.

— А ну, Гаврюшка,— говорит господь,— доставь-ка эту шифровку рабе моей Ольге.

И архангел, смазав крылья, мчится в командировку. Получив пару-тройку знамений и столько же сновидений, раба божья тотчас отправляется к проповеднику Волыхину. А тот берет в руки библию и, держа святую книгу вверх ногами, истолковывает слово божье.

— Братья и сестры во Христе! — хрипло возглашает знаток небесной тайнописи.— Скверна постигла род человеческий! Ходят по земле бабы в брюках, аки мужики, а мужики — в кофтах, аки бабы! Истинно говорю вам, близок час битвы Армагеддонской!

По словам сектантского проповедника, до начала священного сражения остаются считанные часы. С минуты на минуту хляби небесные могут разверзнуться, и на твердь земную в полном боевом облачении снизойдет Христос, чтобы сразиться с самим сатаной. И тогда каждому воздастся по заслугам. Дед Дудько, например, станет ангелом, раба божья Ольга — начальником святого штаба, а бабка Гапка — заместителем Христа по строевой части.

Если бы ревностные богомольцы продолжали мирно морочить друг другу головы и гнусавить заунывные псалмы, о них не стоило бы говорить. Но юродствующим старичкам и тщеславным старушкам вдруг захотелось узреть чудо.

— Чудо так чудо,— согласился Волыхин и решил сотворить святого. Правда, недостатка в святых у сектантов не было. Но то были общепризнанные святые, обобществленные. А Волыхину захотелось иметь своего. Собственного.

Выбор пал на малолетнего Илюшу Д. Проповедника горячо поддержал ярый сектант — отец мальчика. Илюшу засадили за библию, запретили по субботам посещать школу.

Учительница спрашивает:

— Илюша, ты почему прогулял?

А Илюша вместо ответа горячо шепчет:

— Господи, прости рабу твою грешную и открой сердце ее для слова твоего, ибо не ведает она заповедей твоих!..

В общем, учительница в глазах мальчика уже не учительница, а заблудшая овца. У Илюши теперь другие наставники: известный путешественник в места не столь отдаленные Анатолий Волыхин, дама от спекуляции Ольга Игнатьева, фанатик отец.

— Нет у тебя близких, окромя братьев твоих во Христе! — поучает мальчика проповедник Волыхин.

— Пуще всего бойся сатану, но паче него — оперативника! — наставляет Ольга Игнатьева, пребывающая не в ладах с городской милицией.

— Проси господа, чтобы он явил милость свою и призвал тебя! — требует фанатик отец.

И отравленный религиозным дурманом двенадцатилетний мальчуган свято выполняет наставления апостолов тьмы. Маленький ревнитель «истинной веры» не читает книг, не ходит в кино, избегает сверстников. Гулливер для него — антихрист, Робинзон — отпетый богохульник...

— Подайте на заплатку!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Ю. БЛАГОВ

Друг дома

Человек влюбился в дом,
В чудо-учреждение,
Ибо встретил в доме том
Чудо-обхождение.
Вскоре сам добился в нем
Славы и известности,
Изучая день за днем
Все его окрестности.
И хотя он в доме том
В штате и не числится,
Без него сегодня дом
Попросту не мыслится.
Очень близок дом к его
Творческому профилю,
Он бы душу за него
Продал Мефистофелю.
Все б гордились в доме том
Преданным ценителем,
Если б этот самый дом
Не был вытрезвителем.

Счастливец

— Я счастлив, Сережа,
и будь я поэтом,
Наверно бы, создал сонет.
Я снова родился, Сережа,
и в этом
Ни капли сомнения нет.
Не надо мне вскакивать больше
с постели
И пялиться ночью в окно,—
Бушуй на дворе хоть четыре
метели,
Теперь для меня все равно.
Брожу я по городу
с юным запалом,
Любуясь то тем, то другим.
Не кланяюсь в пояс
дельцам-доставалам —
Ни дна, ни покрышки бы им!
В пирушках друзей
принимаю участье,
Как все, веселюсь там и пью...
— Да в чем же твое
заключается счастье?
— Я продал машину свою!

Г. ЛАДОНЩИКОВ

ЗАВИСТНИК

Однажды Кот,
Побитый за проказы,
Хозяину мурлыкал вечерком:
— Тебе-то проще:
Цапцарапнешь с базы,
Сам и сактируешь потом.

НАВЯЗЧИВЫЙ ЛИРИК

Он долго, долго жал мне руку
И нагонял стихами скуку.
В них было много ячества,
Притом плохого качества.

А. КОСТОВЕЦКИЙ

ОЧКОВТИРАТЕЛЬ ПОСЛЕ УКАЗА О ПРИПИСКАХ

О прошлом
В нем живет воспоминанье:
«Прекрасная пора!
Очей **очковтиранье!»**

ТРИ ГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Три грации считалось
в древнем мире,
Но сократили штат —
И стало их... четыре.

— А старик Хоттабыч?

— Хоттабыч, дяинька,— приспешник сатаны.

Бабки Гапки, разумеется, довольны. Уловление душ — дело нелегкое. А тут, пожалуйста, надежный кандидат для зачисления в библейскую номенклатуру. Свой, так сказать, человек.

Ученик 4-го класса 36-й душанбинской школы Илюша Д.— очередная жертва фанатизма. Сектанты орудуют на виду у всего города. И попробуйте одернуть их. Они тут же потребуют уважения своих религиозных убеждений и невмешательства в их дела. Душанбинские атеисты так и поступают. Молчат просвещенные педагоги 36-й школы, молчат комсомольские работники, молчат бравые пропагандисты. А мракобесы свирепствуют.

Недавно они завлекли в трясину религиозного фанатизма молодую работницу Нину К., заманили в свою душеловку Зою М.

Я дважды присутствовал на сеансе великого охмурения маленького Илюши. Таинство проводилось под музыку. Два сектанта, один со скрипкой, другой с мандолиной, изображали оркестр. Полтора десятка старух, дико завывая, представляли хор. Бабка Гапка выступала в роли дежурной солистки. Полдюжины осатаневших старичков корчились в молитвенных судорогах.

И психика ребенка не выдержала. Глаза мальчика остекленели. На губах выступила пена.

Душанбе — большой современный город. В городе есть широкоэкранные кинотеатры, знаменитая чайхана «Блаженство», городской Дом атеизма.

Кинотеатры демонстрируют атеистические фильмы. Чайхана пропагандирует земной образ жизни. В Доме атеизма читаются лекции. Но сектанты туда не ходят. А местные пропагандисты-атеисты не ходят к сектантам. И получается, что никто друг другу не мешает. Такое положение сектантов вполне устраивает.

Не беспокоят их и городские руководящие инстанции. Ведь не случайно душанбинские сектанты заканчивают свои бдения трогательным пожеланием:

— Господи, яви милость твою руководителям нашего города, пошли им здоровье, долголетие и всяческое благоденствие!

И это не выдумка. Я слышал такое пожелание собственными ушами.

Теплая забота рабов божьих об отцах города вполне объяснима. В солнечном Душанбе никто не упрекнет тунеядствующих членов общины. А тем, кто работает, никто не откажет в свободном дне именно в субботу для общения с отцом небесным.

По-отечески трогательно, например, пекутся о сектантах бывший директор ресторана «Вахш», ныне заместитель управляющего трестом столовых и ресторанов Нигматов и заведующий «Бюро добрых услуг» Оев.

Сектанты, состоящие под началом Нигматова и Оева, с доброго согласия руководителей предприятий по субботам не работают, а отправляются на богомолье. В этот день по причине отсутствия братьев во Христе на своих рабочих местах фирменный шницель в ресторане лишен благодатных святостей, а любезности бюро услуг не обеспечиваются благословением божьим. Факт, разумеется, печальный. Особенно для Нигматова и Оева.

И выходит, что маленький Илюша — жертва не только происков спекулянтки Игнатьевой и проходимца Волыхина, но еще и благодушия окружающих его людей. А рука об руку с благодушием шествует равнодушие. И будьте уверены, носители самых изощренных форм мракобесия—сектанты не преминут этим воспользоваться.

И тогда душанбинским атеистам может не поздоровиться. Вот получит бабка Гапка в канун Армагеддонской битвы воинский чин да и возьмет себе в денщики председателя совета Дома атеизма. И придется ему тогда, сердешному, чистить бабке шпоры. А что? Чем черт не шутит!

Б. ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент Крокодила.

Сидел Ермак, объятый думой...

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА

ИТАЛЬЯНСКИЕ МОТИВЫ

— Перед выборами шумели, кричали, а сейчас их не слышно!
— Потеряли голоса...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Из полицейской хроники...

Чикаго и Нью-Йорк издавна конкурируют в борьбе за звание самого преступного города США. В последние годы Нью-Йорк уверенно вышел на первое место. Это произошло, в частности, потому, что нью-йоркские уголовники получили свежее и энергичное пополнение в лице «жертв режима Кастро», «несчастных кубинских изгнанников» и «борцов за демократию», как патетически именует американская печать кубинских контрреволюционеров.

«Несчастные изгнанники» блеснули незаурядными *талантами в области торговли наркотиками*. Недавно, например, был арестован кубинский эмигрант Эктор Санчес, провозглашенный в Нью-Йорке «королем марихуаны». Любопытно отметить, что достичь столь высокого положения в американском обществе Санчесу помогло то обстоятельство, что во времена Батисты он был полицейским и по долгу службы изучал *тайные пути обхода законов*.

Среди «несчастных жертв», бежавших под сень статуи Свободы, оказалась веселая когорта представительниц первой древнейшей профессии. Недавно нью-йоркская полиция раскрыла несколько притонов проституции, которыми руководили все те же «беженцы». Среди арестованных находилась женщина, которую прозвали «доброй феей изгнанников». Особо нуждающихся «изгнанников» «фея-патриотка» снабжала банковскими чеками. Увы, как установила полиция, чеки эти были фальшивыми — у «феи» не было текущего счета ни в одном из банков.

Зато текущий счет появился у тех «борцов за демократию», которым было поручено вести финансовые дела участников позорно провалившегося вторжения на Плайя-Хирон. В то время как незадачливые вояки очутились в плену на Кубе, дядя Сэм исправно начислял им жалованье. Когда же выкупленные из плена контрреволюционеры вернулись в Штаты и *протянули руку за мздой, выяснилось*, что их казначеи присвоили их иудины сребреники и скрылись в бензиновом мареве больших дорог Америки.

Даже у неискушенного в политике среднего американца, когда он читает о проделках «несчастных изгнанников», возникает еретическая мысль: «Так ли уж неправа была кубинская революция, выметя всю эту нечисть с острова Свободы?»

А. ГОГИТИДЗЕ

...Имени гене

Торжества были поистине грандиозными
В назначенный час вспыхнул праздничными о
нями весь комплекс только что отстроенны
многоэтажных зданий. Этот городок вырос
окрестностях южнокорейской столицы Сеул
в небывало короткий срок.

Высокие гости перерезали ножницами алу
ленту и по мраморной парадной лестнице про
шли в огромный банкетный зал. Едва они за
няли места за праздничными столами, как сте
ны сотряслись от рева, треска и завывани
американского джаза, которым руководил са
всемирно известный Луис Армстронг. Несмот
ря на невообразимый шум, создаваемый эти
ансамблем, собравшиеся еще ухитрялись пе
реговариваться между собой. При этом он
многократно и почтительно называли две циф
ры: семьдесят восемь и пять. Да, семьдеся
восемь тысяч долларов за одну эту гастрол
затребовал и получил Луис Армстронг.
пять — это пять миллионов, затраченных на со
оружение всех зданий этого, так сказать, ми
рорайона.

Когда утихли первые пароксизмы джаза на
чались речи и тосты. Много громких слов бы
ло сказано о демократии и прогрессе, о про
светительной миссии великих наций, о помощ
сильного слабому. Правда, в некоторых вы
ступлениях явно чувствовался привкус практи
цизма, с надеждой высказывалась мысль
том, что это начинание принесет пользу н
только демократии, прогрессу и просвещению
но и бизнесу, оживит и оздоровит его. Оди
из самых нетерпеливых представителей дело
вых кругов прямо так и объявил, что начина
ется эра нового взлета бизнеса, взлета голо
вокружительного, *прямо-таки космического*

Праздник прогресса и демократии продол
жался. На круглой вертящейся сцене, воздви
гнутой в середине зала, показались обнажен
ные женщины — первый номер концертно
программы. Тут же распахнулись двери в дру
гие залы и апартаменты, где любителей остры
ощущений ждали зеленые игорные столы.
тут же зажглись огни в расположенных побли
зости пяти отелях и тринадцати виллах, где по
сетителей встречали молодые женщины, не за
нятые в концертной программе, по крайне
мере в официальной...

Как свидетельствует пресса, американски
посол Самуэль Бергер, еще не успевши от
дышаться после своей речи о демократии
просвещении, остался в зале, дабы внимательн
нее присмотреться к голеньким девочкам.
его сосед по правую руку, командующий аме
риканским гарнизоном генерал Гай Мелой, по
кинул банкетный зал. Некоторые корреспон
денты утверждают, что генерал направился
один из игорных залов, другие говорят, чт
он скрылся в одном из отелей. Тоже, разуме
ется, с целью ближайшего ознакомления
прогрессом и просвещением.

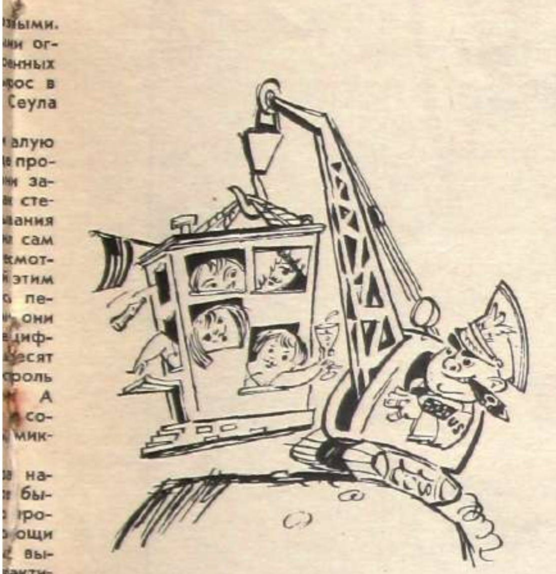
Как бы там ни было, праздник в окрестно
стях Сеула удался. Восемьсот сорок гостей бы
ли довольны.

Но больше всех был доволен начальник ра
ведывательного управления генерал Ким Чон
Пиль. Ведь именно он первый высказал мысл
о создании этого просветительно-увеселитель
ного центра.

Проект сулил *развлечение* для хозяев -
50 тысяч американских военнослужащих, скуча
ющих в Сеуле. Предполагалось повыкачать
них из карманов доллары, которых генералам
вконец разорившим страну, почему-то всег
катастрофически не хватало. Под это грандио
ное строительство можно было выпросить
подачку в несколько миллионов долларов.

И вот в стране нищеты и тирании, в стран
проданной и преданной генералами-дельцами
развернулось грандиозное строительство. С
оружение комплекса домов терпимости, на
ванных отелями и виллами, и нескольких игор
ных центров велось бурными темпами. Буду
щие шулера и содержатели «отелей» был
срочно командированы на государственны

…енерала Уокера

счет в два центра западной цивилизации: американский город Лас-Вегас и Монте-Карло. Первый всемирно известен всякого рода публичными домами, второй — игорными. В свою очередь, из Лас-Вегаса прибыли американские инструкторы (в рамках программы так называемой американской помощи).

Оставался только один вопрос: как назвать созданное учреждение, вернее, целый комплекс разных учреждений, объединенных одной общей идеей?

Действительно, тонкий и щекотливый вопрос. Не назовешь ведь этакое собственным именем! Долго ломали головы южнокорейские генералы, их адъютанты, американские инструкторы из Лас-Вегаса и даже сам американский посол. И наконец решение было найдено. Поскольку все эти сооружения стояли на горе, решено было назвать это место горой генерала Уокера. Напомним читателям, что американский генерал Уокер возглавлял так называемые войска ООН, защищавшие южнокорейских марионеток от народного гнева. Мы не имеем представления о воинской славе Уокера, но тем не менее думаем, что новое название горы сделает его имя чрезвычайно популярным среди южнокорейских дам легкого поведения.

Пышное торжество, с описания которого мы начали наш рассказ, не смогло заглушить первого скандала, разыгравшегося на горе Уокера. Еще в период скоропалительного строительства генералы-бизнесмены начали воровать и брать взятки направо и налево. В результате восемь руководителей строительства не смогли принять участия в торжественной церемонии открытия, поскольку находились в уголовной тюрьме.

Мало этого. После открытия центра выяснилось, что в воровстве генералы разбираются гораздо лучше, чем в строительстве. «Отели» и игорные дома, выросшие на склоне горы, грозят сползти вниз вместе с потоками грязи при первом же сильном ливне. Сейчас в пожарном порядке ведутся работы по укреплению почвы склона и фундамента строений. Разве можно позволить, чтобы такой очаг культуры и цивилизации развалился и утонул в потоках грязи?!

Так пока, до первого ливня, и возвышается над порабощенной и оккупированной Южной Кореей гора Уокера — достойный символ американской помощи слаборазвитым странам, американской цивилизаторской миссии, американского образа жизни.

В. НИКОЛАЕВ

Дж. МАК К.

(Австралия)

МЕЖДУ НАМИ ГОВОРЯ...

У нас в Австралии судовладельцы получают рекордные прибыли. Портовые рабочие поднялись на борьбу за повышение заработной платы и улучшение условий труда.

Редактор газеты «Ежедневный желтобрех» *имел все возможности опубликовать* блестящую передовую статью, в которой бы рассказал, что судовладельцы — шайка бандитов с большой дороги, на которых клейма некуда ставить.

Но в этом случае он наступил бы на массу элегантных мозолей владельцев не менее элегантных банковских счетов. В самом деле, некоторые акционеры его газеты по совместительству являются и владельцами пароходных акций. Многие судовладельцы помещают в газете свои рекламы. От портовых же рабочих реклам не дождешься. Единственное, что они *могут дать в отдел объявлений*,— это небольшое сообщение о похоронах товарища, которого выбросило за борт неисправной лебедкой. Или заметку о том, что такой-то рабочий был травмирован лопнувшим канатом.

Да и эти материалы не придутся по вкусу в тех кварталах, где боятся одного вида поношенной рабочей одежды.

И тем более рабочие не способны дать такой, например, материал: «Миссис Уильям Блоггс, супруга грузчика мистера Уильяма Блоггса, вернулась вчера из продолжительного путешествия по Европе. На ней было *наимоднейшее пальто из норки на ярко-красной* подкладке. Она заявила, что купила это пальто, чтобы ее супруг вспоминал о ней каждый раз, когда надевает красные носки».

Итак, вместо обличения судовладельцев редактор *написал* передовицу под заголовком «АГЕНТЫ КРЕМЛЯ — ОРГАНИЗАТОРЫ ЗАБАСТОВКИ НА ПРИЧАЛАХ». Передовица должна была убедить читателя, что если бы не работа агентов Москвы, портовикам было бы наплевать на то, что они гибнут под падающими грузами.

Редактор поручил своему помощнику подобрать соответствующие фотографии. Он остановился на снимке Кремля, на фоне которого художник подрисовал рабочих, несущих лозунги с требованиями «ХЛЕБА!». Рабочие были оцеплены полицейскими, срисованными *художником с фотографий из американской* прессы. Это была алабамская полиция, отгоняющая негров от церкви для белых.

Одна хлебопекарная фирма решила воспользоваться случаем, и за приличную взятку художник вписал в плакаты: «МЫ ТРЕБУЕМ ХЛЕБА ПРОИЗВОДСТВА КОМПАНИИ ПИП, ТАК КАК В НЕМ МАССА ВИТАМИНОВ». Но редактор не пропустил этого текста. Он объяснил, что его газета честно освещает события.

Читатели засыпали редакцию откликами на статью.

Одно из этих писем прислала некая «жена рабочего». Она, очевидно, взялась за перо, только что примерив платье, присланное специальным самолетом из Парижа. А может быть, письмо писала под диктовку ее секретарша. В нем говорилось, что коммунизм угрожает Австралии. Это сказал ей в прошлом году в Париже сын какого-то бывшего царского адмирала. По ее словам, сын адмирала был очаровательный мужчина. *Он* неоднократно восхищался ее тореадорскими брючками. Она даже приложила к письму несколько своих фотографий, на которых была изображена именно в этих брючках. Фото, несомненно, *должны были* убедить читателя в том, что сын адмирала — непререкаемый авторитет в любых вопросах...

Однако рабочие-портовики все-таки победили в борьбе за лучшие условия труда. Несчастных случаев стало вдвое меньше. И, конечно, это дало «агентам Кремля» — дальше идет цитата из газеты «Ежедневный желтобрех» — «новую причину для злорадства по поводу того, что нанесен еще один подлый удар в схватке между атеистическим беззаконием и австралийским образом жизни».

Перевел с английского И. КОВАЛЕВ.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК

Рисунок Е. ШУКАЕВА

КОПИИСТ АБСТРАКТНОЙ ШКОЛЫ

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Борис ЕГОРОВ

Злодей

РАССКАЗ

С Дмитрием Степановичем Порыжеловым происходило что-то странное. Вроде был нормальный человек и вдруг превратился в злодея.

Началось все с того, что он жестоко обидел своего заместителя Малинкина. Малинкин готовился отметить день рождения, пригласил гостей, жена два дня бегала по рынкам. И вдруг накануне самого празднества Порыжелов отдает приказ: Малинкин должен немедленно вылететь в командировку, самолет — через три часа.

Когда новорожденный узнал эту страшную весть, лицо его так изменилось, что он сразу стал казаться лет на двадцать старше.

— Как же?.. Как же, Дмитрий Степанович?!.

— Вот так. Поедешь — и все.

Едва этот разговор окончился, как Порыжелову позвонила жена Малинкина. Супруга заместителя сначала умоляла, потом плакала. Потом снова стала умолять. Но безуспешно ссылалась она на то, что гости уже оповещены, а цыплята замаринованы. Порыжелов был непреклонен.

И Малинкин улетел. От гостей, от цыплят и от подарков.

В тот же день Порыжелов очень сильно огорчил еще одного человека — своего старого друга Брынзеватого, который работал в научно-исследовательском институте. Брынзеватый пригласил Порыжелова на защиту своей диссертации: приходи, мол, и выскажись как производственник, ты же знаешь тему моей работы и горячо одобрял ее.

Порыжелов на защите диссертации присутствовал, но, к удивлению и ужасу Брынзеватого, диссертации не одобрил.

Как производственник Порыжелов выступал против, и, хотя говорил весьма сбивчиво, ученый совет пришел в замешательство. Защиту диссертации пришлось отложить.

Брынзеватому сочувственно жали руки и предлагали валидол на сахаре.

Но Брынзеватый не был последней жертвой Дмитрия Степановича.

Едва Порыжелов вернулся с защиты диссертации в свой главк, как ему позвонил старый школьный товарищ Коля Мишустин:

— Приходи сегодня ко мне. У меня дочка родилась.

Вместо того, чтобы выразить горячую радость по поводу рождения дочки, Дмитрий Степанович скептически произнес:

— Так-так... У тебя, значит, дочка? Но ты уверен, что она твоя?

Мишустин был человеком очень ревнивым, и слова насчет того, уверен ли он, заронили в его сердце сомнение. Приглашение он отменил.

То, что делал и как поступал Порыжелов, ни с какой логикой не согласовывалось и напоминало бред.

А это и на самом деле был бред. Все, о чем здесь рассказывалось, Порыжелов увидел во сне.

Он только что проснулся и тихо лежал в постели, размышляя об ужасах прошедшей ночи. Бывают же такие нелепые сны!

Впрочем, такие ли уж нелепые?

В ушах Дмитрия Степановича звучали возбужденные голоса Малинкина, Брынзеватого и Мишустина:

— Дима, у меня день рождения. Приходи. Ты не можешь отказаться. Тяпнем знатно!

— Степаныч, после защиты диссертации у меня сабантуй. Есть «Столичная», ямайский ром и коньяк «Двин».

— Порыжелов, отметим мою дочку! Мы же с тобой на одной парте сидели. Не придешь — всем скажу: сволочь и зазнался. В холодильнике — шесть бутылок. И все ждут тебя.

Дмитрий Степанович повернулся и ощутил тупую, ломящую боль в голове. Отчего же болит голова? Ах, да, вчера он был у одного приятеля, сын которого только что окончил музыкальную школу. Ну, и по этому поводу...

Приятель — хороший, заслуженный человек, обидеть его было нельзя. Порыжелов к нему поехал. Правда, с опозданием. Когда он появился перед пиршественным столом, все гости закричали:

— Штрафную Порыжелову!

Дмитрий Степанович пить не хотел, стопку пригубил и отставил. Но это незамеченным не прошло. Приятель, отец окончившего музыкальную школу, возмутился:

— Брось ты эти штучки, Дима! У нас такая традиция — пить до дна.

И Порыжелов пил. Потом как-то добрался домой.

И после всего этого — такой сон.

Чем его объяснить? Видимо, тем, что у Дмитрия Степановича появилось желание нарушить традиции. Он просто устал от них. Надо же когда-то и трезвым быть!

УЛОВИЛ

(СЦЕНКА)

Кабинет директора совхоза товарища Поветрова. Входит Круглов.

— Ба, Круглов! Из Москвы?

— Прямо с поезда.

— Скорее, скорее рассказывай! Ну, как там? В сферах вращался? Какие веяния?

— У министра был...

— И молчит! Давай садись, выкладывай.

— Ну, принял он меня.

— «Ну, принял»... Ты с подробностями рассказывай. Что ты ему, что он тебе. Я по одной фразочке, по кашлю начальственному могу все распознать. Надо веяния нюхом улавливать. Понял? Давай.

— Ну, узнал министр, откуда я, зачем, и вызвал секретаря.

— Так, так, так... И что же секретарь?

— Ну, входит секретарь.

— Детальки, детальки давай.

— Ну, с косой.

— Как?

— Секретарь с косой.

— Секретарь министра вошел с косой? С настоящей?

— Ну да, длинная такая коса, а что?

— Все! Уловил! Минутку.

Поветров выбегает в приемную.

— Ручкина ко мне, хоть из-под земли!

Прибегает Ручкин, верный зам и адъютант.

— Открываем курсы косарей, Ручкин! Есть такое веяние. Уловил? Объявляй срочный набор. Медпункт ликвидировать к чертовой бабушке — там будет пункт по заточке кос. Ну что ты, не понимаешь? Косы там будем точить: вжик, вжик!.. Школу закрыть немедленно и передать под общежитие курсантам-косарям.

— Косарям?—несколько ошалело переспрашивает Ручкин.

— Не перебивай! В газету срочно позвони. Скажи, что Поветров возглавил почин под лозунгом «Коси, коса, пока роса». Все!

Радостный и взволнованный Поветров возвращается в кабинет.

— Ну, ну, Круглов, говори дальше. Значит, входит секретарь и вносит большую косу, ха-ха-ха...

— Что значит вносит? Коса у нее на спине болтается.

— Болтается.

— Ну да, русая коса. Вообще, между прочим, симпатичная у него секретарша.

— Подожди, зачем же тогда ты мне голову морочил этой ерундой? На черта мне сдалась твоя секретарша с ее девичьими косами!

— Так вы сами, товарищ Поветров, требовали, чтобы я рассказывал со всеми деталями...

— Погибель моя! — хватается за голову Поветров.— Минутку!

Опрокидывая на ходу стулья, он выбегает из кабинета на крыльцо.

— Ручкин! Ручкин!

Через двор на зов начальства спешит Ручкин.

— Уже! — рапортует Ручкин.— Медпункт закрыл, школу ликвидировал. Больные в обмороке, дети в восторге.

— Полный назад! Все открыть, как было. Уловил?

— Ясно.

— В газету звонил?

— А как же!

— Отзванивай обратно. Скажи — опечатка получилась: курсы открываются, только не косарей, а звонарей... Тьфу ты пропасть! Звеньевых, я хотел сказать.

Поветров возвращается в кабинет, где его дожидается Круглов.

— Ну и зачем министр вызывал эту девицу-красу? Эту секретаршу?

— «Принесите,— говорит, — справку, сколько сельхозтехники и какую именно получил в прошлом году совхоз, где директором Поветров».

— Так, так... А ты ему про наши дела рассказывал?

— Конечно. Напомнил насчет нашего письма.

— А он-то что, он-то? Ты давай мне со всеми детальками, с детальками рассказывай, чтоб я почуял, какие веяния наверху, куда ветер... Ну, ну!

— Он говорит: «Напрасно Петухов разводит...»

— Как напрасно?..

— Да вы дайте, Иван Порфирьевич, досказать...

— Минутку! Уже уловил! Мне много не надо. Мне бы только веяние почуять... Ручкин! Ручкин!

С конца коридора нарастает каблучный грохот.

— У нас на ферме петухи еще имеются?

— Да, штук тридцать наберется.

— Всем свернуть головы!

— Ясно!

— И вот что: курей тоже под нож! В порядке перевыполнения. Уловил?

— Ясно!

С видом довольным и бодрым Поветров возвращается в кабинет.

— Так, с петухами претворено.

Круглов всплескивает руками..

— Вы не дослушали меня, Иван Порфирьевич. Помните, вы писали Петухову, чтобы нам дополнительно отпустили три трактора. А Петухов переправил наше письмо на согласование в управление. Так вот, министр и говорит, что напрасно Петухов разводит бюрократизм.

— Но петухов-то резать или не резать?

— Я вас не понимаю, Иван Порфирьевич. Какие петухи? Это фамилия Петухов.

— Уловил! Минуточку! Ручкин! Ручкин!

Вбегает взмыленный Ручкин. Сапоги верного адъютанта обсыпаны пухом. В руке окровавленный нож.

— Уже. Претворил.

— Зарезал?!

— Петухов всех зарезал, курей приканчиваю...

— Зарезал... Ты меня зарезал! Уловил?

Марк ВИЛЕНСКИЙ

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ОКРОШКА

Маятник шатало: он основательно накачался.

Завхоз забил себе голову дефицитными гвоздями.

Вратарь все схватывал на лету.

Режиссер развелся с очередной женой: она уже не играла для него никакой роли.

В. ЛУКЬЯНОВ

Издавать избранное поэт не желал. Он всего себя мыслил избранным.

Комедия шла под общий смех исполнителей. Но не зрителей.

Новую кинокартину зрители встретили, как старую знакомую.

Л. МИТНИЦКИЙ

«Мой сосед — тунеядец, — писал склочник о дикторе. — Только языком работает».

Работал, не разгибая спины... перед начальством.

Супруги жили по закону единства и борьбы противоположностей.

«В новой опере композитора Н. наиболее сильно прозвучала немая сцена»,— восторженно писал критик. И он был прав.

В небесной комиссии по отбору праведников работали бюрократы. Разбор заявлений они откладывали до второго пришествия.

Заказчик плакал в жилетку. Она была безнадежно испорчена закройщиком.

Н. МОНАХОВ

Все дела делал в два счета: один счет для конторы, другой — для себя.

Дачник всю дорогу мечтал о безразмерной электричке.

В тире имелись разнокалиберные прорехи, а стрельбы не было.

— Наш директор завалил работу на пяти предприятиях и... хоть бы хны...

— Что и говорить. Человек-невредимка!

Председателя колхоза рвали на запчасти.

— Куда смотрел ОТК?! — возмущался покупатель Венеры Милосской.

Сюита для голоса (директора) и хора (подхалимов.).

Ю. НИКОЛЬСКИЙ

ПОРОЖНЯК

Рисунок М. СОКОЛОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЕР-ОГЛЫ

Кер-оглы—любимый герой азербайджанского народа, защитник бедняков и угнетенных. 350 лет назад он поднял крестьян на борьбу против турецких и иранских завоевателей и местных феодалов.

Но вот совсем недавно снова сверкнул грозный меч героя. Из тьмы веков Кер-оглы перенесся в наши дни. На это у него были довольно веские основания.

КАПРИЗНЫЙ ГОСТЬ

В студии «Азербайджанфильм» царили мир и благодать. Несколько ответственных работников стояли во дворе. Обмахиваясь веточками цветущего урюка, греясь на весеннем солнце, они мирно беседовали об очередных творческих задачах. Где-то неподалеку плескалось Каспийское море.

Но вдруг через проходную, оттолкнув бдительного вахтера сверкающим мечом, во двор быстро вошел стройный, еще молодой человек, одетый по моде XVII века.

— Я Кер-оглы,— представился он, отдавая селям.— Хотел бы посмотреть фильм, который вы, о мастера кино, назвали моим именем.

— Какая честь!—восхитился директор картины тов. Евдаев.— Для такого почтенного гостя мы сделаем все. Пошли в просмотровый зал. Сейчас мы вам покажем, какая роскошная ленточка получилась.

...Застрекотал аппарат, и картина началась. Вот на экране появился солидный, плотный мужчина со свирепым выражением лица. Он карабкался на худощавую лошадку неопределенной масти.

— А это кто такой?— поинтересовался гость.

— Как кто?—удивился режиссер-постановщик Сеид-заде.— Это вы, о доблестный, да защитит нас от бед ваша тень!

— Интересно! — сказал гость.— Мне кажется, что этот уважаемый человек совсем не похож на меня.

— Нет, это вы на него не похожи,— поправил Сеид-заде.— А впрочем, пустяки. И так сойдет. Картина уже вышла на экраны, и кому не нравится,— пусть не смотрит. Для вас ничего не жалели, на фильм сверх сметы 176 тысяч рублей потратили. Это вам не миску бозбаша съесть.

А на экране уже шумел многолюдный, пестрый восточный базар.

— Не правда ли, совсем похож на настоящий?— с восхищением сказал Евдаев.— Мы старались. На одни декорации перерасходовали почти 77 тысяч... А как вам нравится вот это сражение у Ченлибеля?

— М-да. Сражение,— неопределенно сказал Кер-оглы.— Тоже с перерасходом?

— Не без этого,— вздохнул Евдаев.— Да ведь такую драку организовать денег стоит! Людей сколько нагнали! Площадку готовили. Разве тут в смету уложишься!

И он стал объяснять Кер-оглы, что такое смета и как ее следует нарушать. Об экономии государственных средств и финансовой дисциплине Евдаев не говорил ничего, так как сам с этими вопросами не был знаком.

Из беседы Кер-оглы понял, что вылезать из сметы можно по-разному. Например, на места натурных съемок экспедиция может тащить с собой все, что в голову взбредет, даже подсобных рабочих. Затем есть возможность в неограниченном количестве выбрасывать деньги на декорации. Построили, скажем, в одном месте. И вдруг кому-то что-то не понравилось. Декорации разваливают и на новом месте из новых материалов строят новые.

Фильм кончился.

— Теперь вы видите, дорогой гость, мы сделали все, что могли. Не скупились. Даже лошадь специально для вас выписали из Грузии.— И Евдаев скромно умолк, ожидая похвалы и благодарности.

Но совершенно неожиданно гость повел себя невежливо и нетактично. Он стал на путь самой яростной критики столь любезно отнесшихся к нему руководителей «Азербайджанфильма».

— Хотел бы я знать, почему вы на роли персидских и турецких завоевателей не притащили настоящих ханов и беков из Ирана и Турции? — ядовито спросил он.— А почему верблюды у вас местные? Их тоже можно было привезти из Африки. Куда дороже было бы! Молчите? Вы меня опозорили! Никогда я не был стяжателем и корыстолюбцем, а вы, пользуясь моим именем, бесшабашно транжирили народные деньги! Сделали меня своим пособником!

Хозяева растерялись. Выгнать вон? А вдруг он пустит в ход свой меч? Без головы останешься. Его повадки известны. И Евдаев опасливо сказал:

— Зачем так волноваться, доблестный витязь? Никто вас не считает растратчиком и хапугой. Вся ответственность лежит на нас. Да и мы ничего особенного не сделали. Ведь у нас работа такая. Творческая. Крохоборствовать тут нельзя, это не завод какой-нибудь... Да разве только наша группа? По другим картинам ве[illegible] то же самое.

— Если хотите знать,— вкрадчиво сказал кто-то за спиной,— на картину «Сказание о любви» перерасходовали еще больше: целых 203 тысячи...

КЕР-ОГЛЫ СВОДИТ БАЛАНС

В бухгалтерии просто диву дались, глядя, как ловко странный гость разбирается в документах.

— Товарищ Кулиев, вы директор картины «Сказание о любви»,— гремел он, сверкая очами,— объясните. Оператор «Мосфильма» Айзенберг был в Баку всего десять дней. А вы ему начислили зарплату за четыре месяца, около шестисот рублей. Это как получается?

— Просто неправильно оформили,— стыдливо сказал Кулиев.— А он этих денег стоит. Такой молодец, ой-ой-ой!

— На декорации объектов «Караван-сарай» и «Базар» было отпущено 100 тысяч, а вы потратили 213 с лишним!

— Стихия!— горестно развел руками Кулиев.— Ветер повалил декорации. Пришлось вторично строить.

— Значит, вы не знали, что в Азербайджане могут дуть ветры! В мое время это знал каждый ребенок.

На эти разговоры, совершенно бесплодные, Кер-оглы потратил столько времени, что очутился в цейтноте. Потому он и не встретился с инспектором сберкассы № 3537 гор. Баку тов. Мандрыкиным. А если бы они встретились, между ними состоялся бы примерно такой диалог:

КЕР-ОГЛЫ. Селям, гардаш Мандрыкин. Вы по каким шумам специалист?

МАНДРЫКИН. Вот еще новости! Я никакой не шумовик, а счетный работник.

КЕР-ОГЛЫ. Но вы расписались в ведомости и получили свыше восьмисот рублей именно за шумовое оформление трех картин!

МАНДРЫКИН. А-а! (Стесняется.) Это я не для себя. Деньги я отдал родственнику моей жены, старшему инженеру киностудии Савину. Ему самому неудобно было себе выписывать, вот он и попросил меня.

А если бы наш герой встретился с методистом станции юных техников Володченко, тот сказал бы, что он тоже не шумовик и шуметь не умеет, ибо этому делу не обучен. А деньги, 250 рублей, что получил по ведомости, отдал своему родичу Матренкину, начальнику цеха операторской техники, и в благодарность от оного Матренкина получил за труды десятку. Вообще-то он, Володченко, понимает, что это подлог, и больше нипочем так поступать не будет.

Интересным был бы и разговор с жителем селения Аскеран Акопьяном.

КЕР-ОГЛЫ. Николай Оганесович! Вы косили траву на участке для съемок генерального сражения у крепости Ченлибель? Косили. А сколько получили за свой труд?

АКОПЬЯН. Сто пятьдесят рублей.

КЕР-ОГЛЫ. А кто на вашем счете-расписке к цифре «150» приписал слева единицу так, что получилось «1150 рублей»?

АКОПЬЯН. Этого я не знаю. Таких денег не получал. Спроси, о воин, у директора картины Евдаева. С ним я заключал трудовое соглашение.

Но Кер-оглы в Аскеран не ездил, с «шумовиками» не встречался. Ему было не до того. Он вконец измучился, разбираясь в документах. Здесь были расписки, счета, ведомости, явочные листы, где подделаны либо цифры, либо подписи, либо и то и другое. Попробовал Кер-оглы хотя бы приблизительно подсчитать, сколько тысяч по этой «липе» уплыло в чьи-то грязные руки,— и не смог.

— Достопочтенные мастера кино!— сказал Кер-оглы, отрываясь от трудов своих.— Всю жизнь я посвятил борьбе с несправедливостью. Немало голов слетело от ударов моего меча. Но против вашего умения обходить законы и запутывать дела я бессилен. Пусть тут разбирается прокурор, а я пошел.

И Кер-оглы удалился в семнадцатый век. А товарищи из «Азербайджанфильма» приступили к разрешению очередной творческой задачи. По той же системе и теми же средствами.

Но Кер-оглы перед уходом забыл сказать руководителям студии «Азербайджанфильм» самое главное. А именно, что хорошие картины здесь стали редкостью, на экраны студия выпускает серые, скучные, неинтересные фильмы.

И поэтому затраченных денег вдвойне жалко.

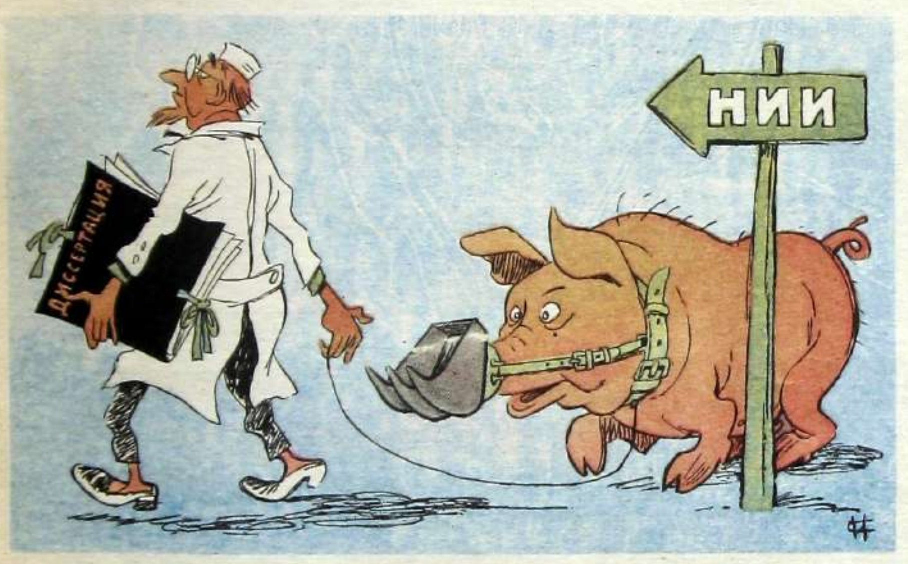
Е. ЦУГУЛИЕВА,
специальный корреспондент Крокодила
г. Баку.

— Старье бере-е-ем!

Рисунок Б. САВКОВА

Улучшил...

Рисунок И. СЫЧЕВА

Голое администрирование.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Самиг АБДУКАХХАР

Не мытьем, так катаньем

В одно учрежденье, спеша на прием,
С собой прихватил я объемистый том:
И очередь выждать и книгу прочесть,
Покуда быть принятым выпадет честь.

Вошел — и раскрыл удивленно уста:
Приемная шефа тиха и пуста!
Лишь девушка что-то выводит пером,
Воссев, как хозяйка шикарных хором.

С почтеньем киваю на вход в кабинет:
— Скажите, заходят по записи?
— Нет.

Я счастлив. Я радуюсь: вот повезло —
Изгнали отсюда чиновное зло!
Глава этот — видно, решительный враг
Пустой болтовни и ненужных бумаг.

Никто здесь, томясь, в потолок не глядит,
Никто не толпится, никто не галдит...
— Могу я войти? Не закрыт кабинет?
— Входите. Открыт. Но... начальника нет...

...Назавтра, придя на прием попоздней,
Я снова застыл у заветных дверей.
— Не занят? И слышу учтивый ответ:
— Уехал с утра заседать в райсовет...

На третий денек я чуть свет на порог —
И вход в кабинет до обеда стерег,
Пока не узнал, что начальство опять
Умчалось неведомо с кем заседать...

На стон мой ответила девушка так:
— Мой шеф — кабинетному методу враг!

Перевел с узбекского
Г. КАММЕЛЬ

ХИТРЫЙ МЕРКУРИЙ

К нам в редакцию из одного небольшого городка косяками шли жалобы:

— Нет соли! Едим пресный суп!
— Хотя бы одно топорище!
— Парочку галош!
— Баночку олифы!
— Прищепку!

Список длинный, как бельевая веревка. «Легче достать с неба звезду, чем в нашем городе метр веревки»,— писали пайщики.

Мы, конечно, тоже возмущались торговыми непорядками в этом городе: писали гневные фельетоны, сочиняли колючие строки.

— Неповоротливый дуб! С работы его снять мало! — сердился наш редактор, имея в виду Яруллу, главного городского торгового бога.

Яруллу то и дело требовали в область и каждый раз устраивали ему горячую баню. Последнее предупреждение получил Ярулла: «Еще одна жалоба — и нет тебя!»

— *Жалоб больше не допущу!* — *заверил* Ярулла.— Слово джигита!

И что же? Жалобы с тех пор как рукой сняло.

— Молодец все-таки этот Ярулла! — отметили мы.— Перестроился.

Прошло две недели. Заехал к нам из того самого городка знакомый селькор.

— Ну, как там Ярулла? — спрашиваем.— Навел порядок?

— Навел! — отвечает.— Раньше хоть в лавке бумага, карандаши были, а теперь... Вот приехал устно изложить свою жалобу...

Вахит МАНАСЫПОВ

БИТВА В ПУТИ

Год назад, 17 июня 1962 года, уличный комитет по ул. Щорса (Ленинский р-н города Кишинева) рассмотрел жалобу гр-на Островского Н. О. на незаконные действия гр-ки Рыбченко Г. Н.

Уличный комитет принял решение: считать необходимым передать материал Ленинскому райисполкому и прокурору гор. Кишинева на предмет прекращения незаконных действий гр-ки Рыбченко Г. Н.

Каковой протокол на шести страницах скреплен шестью подписями членов уличкома.

Вслед за этим члены уличного комитета направили в народный суд Ленинского района заявление (4 страницы, 5 подписей) с просьбой восстановить права гр-на Островского Н. О.

4 октября 1962 года народный суд Ленинского района гор. Кишинева именем Молдавской Советской Социалистической Республики решил: в иске Островскому Н. О. к Рыбченко Г. Н. отказать за необоснованностью.

Каковое решение на двух с половиной страницах скреплено четырьмя подписями и круглой гербовой печатью.

1962 года октября месяца 18-го дня Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда МССР определила: решение народного суда отменить, исковые требования Островского Н. О. удовлетворить.

Каковое определение на четырех страницах скреплено подписями и печатью.

16 января 1963 года Президиум Верховного суда Молдавской ССР постановил: определение Судебной коллегии отменить, а дело направить на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегию, но в ином составе судей.

Каковое постановление на пяти страницах скреплено подписью Председателя Президиума Верховного суда Молдавской ССР Х. Зингана и тремя круглыми печатями.

1963 года января месяца 31-го дня Судебная коллегия вновь рассмотрела в открытом судебном заседании в кассационном порядке дело по иску Островского Н. О. к Рыбченко Г. Н. и определила: решение народного суда Ленинского р-на гор. Кишинева от 4 октября 1962 года оставить без изменения, а жалобу Островского — без удовлетворения.

Каковое определение на четырех страницах скреплено тремя подписями и печатью.

4 мая 1963 года гр-н Островский Н. О. направил письмо Крокодилу на двух страницах, в коем изложил суть дела и потребовал вмешательства с целью восстановления социалистической законности.

В письме гр-на Островского говорится:

«Уважаемый Крокодил, я обращаюсь к Вам ради справедливости, я верю в советскую действительность и надеюсь, что Вы извлечете щупальцы.

По соседству с моим домом проживает Рыбченко Г. Н. Ее задняя сторона выходит в мой дворик.

Тов. Рыбченко, женщина с бурным характером, пробила в мой двор окно.

Уважаемый Крокодил, я не хочу Вам много писать, лучше расскажут судебные копии, которые противоречат друг другу».

Из существа дела усматривается, что ответчица гр-ка Рыбченко действительно пробила в своем доме окно, выходящее в садик-дворик площадью 871 кв. метр, принадлежащий гр-ну Островскому. Как полагает Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда МССР, пробитие оконного проема гр-кой Рыбченко «существенно затрагивает интересы семьи гр-на Островского и не дает возможности нормально пользоваться двором и надворными постройками». С другой стороны, как полагает народный суд Ленинского р-на гор. Кишинева, «пробивка гр-кой Рыбченко окна совершенно не ущемляет интересов гр-на Островского, т. к. из него не видно, что делается во дворе дома Островского».

1963 года мая месяца 10-го дня редакционная коллегия в составе председательствующего т. Крокодила и тринадцати членов коллегии рассмотрела гражданское дело по иску Островского Н. О. к Рыбченко Г. Н. в связи с жалобой Островского Н. О. и определила:

1. Считать необходимым выслать в гор. Кишинев, на ул. Щорса, ЖЭК № 2, бригаду фельетонистов, фотокорреспондентов и карикатуристов в составе 27 человек сроком на две недели с целью внесения окончательной ясности в вопрос о том, что именно и в какой степени просматривается в садике-дворике гр-на Островского из окна гр-ки Рыбченко.

2. Расходы по поездке и пребыванию бригады в гор. Кишиневе отнести за счет гр-на Островского Н. О., если у него не будет возражений.

3. О результатах расследования доложить Председателю Президиума Верховного суда СССР, до которого это дело, видимо, все равно в конце концов дойдет.

Отклики и реплики

ХРАНИТЕЛИ ТИШИНЫ

Как поступить в институт? Такой вопрос волновал всех абитуриентов, за исключением поступающих в Андижанский медицинский институт. В этом учебном заведении все было просто и ясно. Достань определенную сумму денег и можешь смело и совершенно уверенно переступать порог храма науки.

Члены приемной комиссии встретят тебя с распростертыми объятиями.

Доставали... Переступали... Встречали... Потом появился в Крокодиле (№ 8) фельетон «Хранители тишины». В нем рассказывалось не только о преподавателях-взяточниках, но и о городских руководителях, умышленно не замечавших того, что творилось в институте. Не любили бывший секретарь горкома Ашуров и председатель горисполкома Аманов выносить сор из Андижана, ох как не любили! Поскольку тоже кое-что делали незаконно. Продавали свои собственные дома, возводили за государственный счет роскошные особняки, приобретали по значительно заниженным ценам лес, цемент и другие материалы.

Недавно в редакцию пришло письмо от ректора и общественных организаций Андижанского мединститута. Фельетон признан правильным, факты подтвердились. Преподаватели-взяточники сняты с работы и привлечены к уголовной ответственности. Ректор института Алимов, доцент Пулатов расстались со своими креслами и понесли строгие партийные взыскания. Ректорат, партбюро и коллектив Андижанского мединститута заверили «редакцию Крокодила и читателей, что будут принимать все меры к недопущению повторения позорных фактов...».

Недостойное поведение Ашурова и Аманова было обсуждено в Центральном Комитете Компартии Узбекистана. «За использование служебного положения и проявление частнособственнических тенденций,— говорится в присланном Крокодилу ответе,— Ашуров снят с должности заместителя председателя Андижанского сельского облисполкома, а бывший председатель горисполкома Аманов — с занимаемой в последнее время должности начальника областного управления культуры. Им объявлены также строгие партийные взыскания. Ашуров и Аманов сдают выстроенные дома горкомхозу. В особняке Ашурова будет размещено детское учреждение».

ПОТУШИТЕ КОСТРЫ!

На днях Крокодил получил письмо из Обливского района, Ростовской области. Вот оно:

«Дорогая редакция! В Крокодиле за 30 марта опубликована заметка «Жрецы огня», в которой критикуются руководители, сжигающие отходы пиломатериалов.

Что побудило их вступить на такой путь, для меня неведомо, но когда я взглянул на фотоснимок, что брошено в огонь, то я, был бы там на месте сжигания таких ОТХОДОВ, не фотографировал бы, а кинулся в огонь спасать добро.

Прошу Вас помогите нам купить эти отходы, ведь они с успехом пойдут на строительство животноводческих помещений, оплату произведем немедленно по представлению счетов.

Председатель колхоза имени Максима Горького В. УКРАИНСКИЙ».

Крокодил думает, что с тов. Украинским согласно подавляющее большинство председателей колхозов и директоров совхозов. Пора наконец прекратить сжигать в кострах миллионы государственных денег. Крокодил с надеждой продолжает ожидать ответ из Государственного комитета по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесного хозяйства.

И запретили...

День рождения обычно принято отмечать. Я пишу «обычно» потому, что один мой знакомый — большой «оптимист» — говорит:

— Ни к чему все это, плакать надо, что родился, а не веселиться.

А по-моему, он просто копит деньги и экономит на гостях.

Остальные нормальные люди в этот день собираются группами от двух и более человек, пьют (извините, конечно) вино, поют и иногда даже танцуют.

Г. П. Белова из Днепропетровска решила отметить свое ...летие в ресторане. К этому решению она пришла, прочитав рекламное объявление городского треста столовых и ресторанов: «Справляйте семейные праздники в наших ресторанах».

И действительно, все было, как говорится, высшим сортом — от величественного бородача в ливрее, встречавшего гостей, до печеночного паштета. Очень мило играл оркестр, и через час, а может, раньше захотелось потанцевать. Первыми встали Галина Павловна и ее супруг.

Здесь стоит заметить, что танцевали они не рок-н-ролл и не твист, а добропорядочное танго. Причем танцевали вполне прилично. И все-таки появился элегантный метрдотель, который, вежливо положив руку на плечо новорожденной, защептал:

— Перестаньте... Сейчас же... Иначе придется вызвать участкового...

Супруги сказали, что будут жаловаться.

Распорядитель мило улыбнулся и спросил:

— Кому?!

В ходе дальнейшего обмена мнениями выяснилось: танцы в ресторане запрещены решением горисполкома. Стоит ли говорить, что вечер был испорчен.

«Мне за тридцать, — пишет Г. П. Белова. — Я инженер, муж тоже. У нас небольшая комнатка и много друзей. Мы ходим в кино, в театр, любим поговорить с друзьями за бутылкой вина, любим немного потанцевать. Но не идти же для этого нам на молодежный бал в клуб?! В Москве, в Ленинграде и в других городах даже на телевизионном «Голубом огоньке» танцуют. Так почему же танцы под запретом у нас в Днепропетровске?!»

За разъяснением пришлось обратиться к председателю Днепропетровского горисполкома тов. Гавриленко. Он сказал так:

— Танцевать в ресторанах запретили, чтобы не было хулиганства и чтобы не выпивали.

— Простите, но какая связь между танго и этими явлениями?

— Статистика показывает: где танцуют, там больше нарушают...

После такого разъяснения оставалось только радоваться, что в городе не запретили балет и оперетту.

В. ВЕСЕЛОВСКИЙ

— Не позволю разбрасывать инвентарь!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

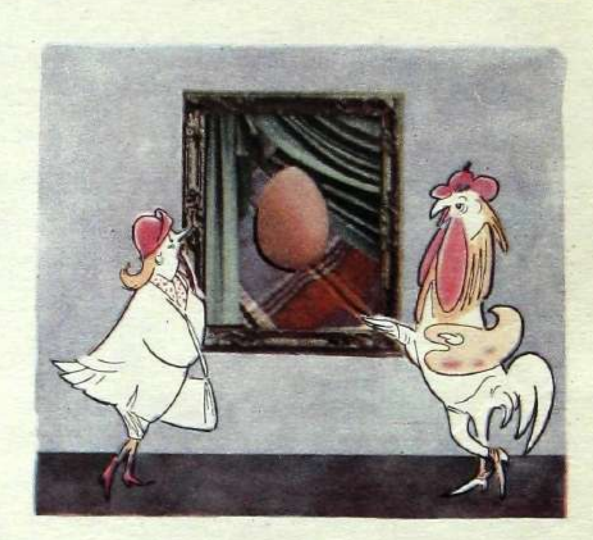
Матч закончился со счетом 0 : 0.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Полчаса вишу, почему не тянут?

Рисунок Д. БЕЛОВА

— А вот это мой портрет в молодости!

Рисунок М. БИТНОГО

— Теперь соседка больше трех минут разговора не выдержит!

Рисунок В. ПЕТРОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Короче говоря, я пошел на выдвижение. Но ссора между друзьями долго не бывает, они помирились. С тех пор началось мое задвижение».

(Из письма в редакцию.)

Выписал В. ШЛЕМИН.

Москва.

«СПРАВКА

Выдана Ипатовским райфинотделом г. Костенко Михаилу Никитовичу, прож. с. Кевсала, в том, что он производил пастьбу граждан индивидуального сектора с. Кевсала.

Справка выдана для представления в Ипатовский районный отдел соцобеспечения.

Зав. Ипатовским райфинотделом — П. Нежданов.

Ст. инспектор госдоходов — В. Чудненко».

Прислала З. ЗГОННИК.

Ставропольский край.

«Ваша шкура находится на экспертизе в г. Вологде, и, пока оттуда нет результата, деньги за шкуру выдать не можем».

(Из заметки в газете «За победу» Архангельской области.)

Доставил Ф. СМЕТАНИН.

«Тов. УДЖАЕВУ Н. У., нормировщику управления, за появление на дежурстве дружины в пьяном виде, недостойное поведение объявить строгое предупреждение в последний раз и дать ему общественное поручение — вести воспитательную работу в бригаде тов. ЗВЯГИНА.

Секретарь товарищеского суда (Максимова)».

(Из протокола заседания товарищеского суда.)

Доставил И. НЕБЕРИКУТИН.

г. Элиста.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00089. Изд. № 707. Подписано к печати 20/V 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 1256. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70436

ПОДКИДЫШ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО